

- ³⁴ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. С. 11.
³⁵ Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным одежды / СЭ. 1954. № 2. С. 42—59.
³⁶ Имеется в виду работа: Волков Ф. К. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг., 1916.
³⁷ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. Табл. III.
³⁸ Nachlik A. // Polska sztuka ludowa. 1961. № 3. S. 132—191; Нахлик А. Ткани новгородские. Жилище древнего Новгорода // Тр. новгородской археологической экспедиции. Т. IV. М., 1963. С. 228—313.
³⁹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

© 1991 г., СЭ, № 5

Р. Ш. Джарылгасинова

**Н. И. КОНРАД — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЭТНОГРАФИИ КОРЕИ**

(К 100-летию со дня рождения ученого)

Творческая деятельность акад. Н. И. Конрада (1891—1970), 100-летие со дня рождения которого широко отмечено научной общественностью нашей страны, его выдающиеся достижения в области изучения филологии, истории, культуры и этнографии народов Восточной Азии, в первую очередь Японии, Китая и Кореи; его оригинальные, гуманистические по своей сути исследования по глобальной проблеме, обозначенной им как «Запад — Восток»; его вклад в развитие теории и истории культуры — блестящие страницы нашей науки.

Н. И. Конрад родился в Риге 13 марта 1891 г. в семье железнодорожного служащего. В 1908 г. после окончания Рижской гимназии он поступил в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета. В 1909 г. Н. И. Конрад стал также слушателем Практической восточной академии¹, где занимался японским языком. В 1912 г. по окончании университета и Практической восточной академии² он был на год командирован в Японию. По возвращении из Японии в 1913 г. Н. И. Конрад опубликовал первую научную работу, посвященную японской начальной школе; в том же году в Киеве началась и его педагогическая деятельность. В Киевском коммерческом институте он читал лекции по китайскому и японскому языкам, а также по этнографии народов Дальнего Востока. В 1914 г. Н. И. Конрад вернулся в Петербург и начал подготовку к профессорскому званию при университете. В том же году он был командирован в Японию, где пробыл до 1917 г., в эти же годы он выезжал в Корею. Вернувшись в Петроград в 1917 г., Н. И. Конрад сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской филологии. В 1919 г. он уезжает в Орел, где читает лекции по истории культуры и истории философии в Государственном университете. С 1920 по 1922 г. Н. И. Конрад — ректор Орловского университета. В 1922 г., возвратившись в Петроград, он начинает преподавать в университете, а затем, также в 20-х годах, создает и возглавляет кафедру японского языка и литературы в Восточном институте в Ленинграде. В 1926 г. Н. И. Конрад получил звание профессора; с 1931 г. он научный сотрудник Института востоковедения АН СССР; в 1934 г. ему присуждена ученая степень доктора филологических наук. В том же году он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Появляются многочисленные публикации, исследования Н. И. Конрада по литературе, истории, языку и театру Японии, его переводы современной и классической японской литературы³.

В сентябре 1938 г. Н. И. Конрад был арестован и вслед за этим исключен из состава сотрудников Института востоковедения АН СССР⁴. Освобожден Н. И. Конрад был в 1943 г. ...

С середины 40-х годов начинается новый этап научно-исследовательской и педагогической деятельности Н. И. Конрада⁵. В 1958 г. был избран действительным членом Академии наук СССР. За редактирование двухтомного «Большого японско-русского словаря» (М., 1970) в 1972 г. ему посмертно была присуждена Государственная премия. Творческое наследие Н. И. Конрада огромно. Об этом, в частности, свидетельствуют и три тома «Избранных трудов», опубликованных уже после смерти ученого, среди которых немало работ, увидевших свет впервые, а также сочинений, давно ставших библиографической редкостью⁶.

Однако даже в год 100-летнего юбилея этого выдающегося ученого необходимо признать, что некоторые аспекты его исследовательской, творческой деятельности до сих пор не получили должного освещения⁷. Это в первую очередь касается материалов, собранных Н. И. Конрадом, тогда еще молодым исследователем, в Корее в 1914, 1915 и 1916 гг. Материалы сохранились прежде всего в виде рукописного отчета о работе в Корее в конце 1914 — начале 1915 г.⁸, а также двух тетрадей с рукописью и второго большого отчета за 1914—1916 гг.⁹ Среди этих материалов есть и машинописный текст монографии «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков» (139 машинописных страниц)¹⁰ (далее — «Очерки»), и отдельные статьи, связанные тематически с монографией. Все это до сих пор не опубликовано и хранится в Архиве АН СССР в Москве и Ленинграде.

Будучи прежде всего японистом, Н. И. Конрад на протяжении всей своей жизни обращался и к проблемам культуры, филологии, истории и этнографии корейского народа. Интерес к Стране Утренней Свежести пробудился у него рано. Годы учебы Н. Конрада в стенах Петербургского университета (1908—1912) на китайско-японском отделении Восточного факультета совпали с пробуждением интереса русской общественности к культуре и истории стран Дальнего Востока, в том числе и Кореи. Появляются многочисленные научные публикации, очерки, записки путешественников, посещавших страну, еще недавно считавшуюся «страной-отшельником». Широкой известностью пользовались «Корейские сказки и легенды», собранные в Корее в 1898 г. русским писателем и путешественником Н. Г. Гариним-Михайловским. В 1900 г. вышел в свет фундаментальный труд «Описание Кореи» (в трех частях) (СПб., 1900), в котором были систематизированы знания об этой стране в русской, западноевропейской и американской науке на начало XX в. «Описание Кореи» — своеобразная энциклопедия русского корееведения. К Корее было привлечено внимание и в связи с политикой России на Дальнем Востоке, с соперничеством с Японией на Корейском полуострове, с трагическим для русского народа периодом русско-японской войны 1904—1905 гг.

В университетских курсах и программах в 1908—1912 гг. для студентов дальневосточников Корею отводилось значительное место. Не исключено, что материалы о Корее собирались Н. Конрадом уже во время его первой научной командировки в Японию в 1912 г. Возможно, сведения о корейцах вошли и в его первый лекционный курс по этнографии народов Дальнего Востока, который он читал в Киеве в Коммерческом институте в 1913 г. по возвращении из Японии. Еще в бытность студентом Восточного факультета Н. Конрад познакомился с экспозицией и материалами Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, в фонды которого корейские коллекции и отдельные предметы стали поступать с середины XIX в.

Однако, несомненно, решающим моментом в познании Кореи, в приобщении к ее культуре и этнографии были для Н. Конрада поездки туда в 1914—1916 гг.

Этнографическая работа Н. И. Конрада в Корее. В настоящее время составить детальную, целостную картину пребывания Н. И. Конрада в Корее, установить маршруты его путешествий, экспедиций по стране трудно. Слишком мало сохранилось об этом свидетельств. Попробуем восстановить или, точнее, наметить контуры этой картины по доступным нам сегодня материалам.

Как мы уже говорили, в 1914 г. Н. И. Конрад был командирован в Японию Петербургским университетом для подготовки к профессорскому званию. Командировка продолжалась с 1914 по 1917 г. Ее основной целью были занятия в Токийском университете по специальностям японский язык, японская литература, а также японская и китайская философия. Весной 1914 г., когда Н. Конрад уже находился в Японии, руководство одного из крупнейших востоковедных центров России того времени — Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях¹¹ — предложило его кандидатуру для командирования в Корею с целью проведения этнографических исследований. Кандидатура Н. Конрада была названа известным русским синологом, профессором Петербургского университета А. И. Ивановым и поддержана В. В. Радловым, Л. Я. Штернбергом, В. А. Котвичем. Об этом свидетельствует сохранившийся в делах Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии машинописный текст докладной записки за подписями В. Радлова, Л. Штернберга, В. Котвича. Судя по протоколам Русского комитета, документ может быть отнесен к первым месяцам 1914 г. (до 29 марта)¹².

Характеризуя Н. Конрада, его старшие коллеги отмечали, что он в 1912 г. окончил факультет восточных языков и успешно выполнил две командировки в Японию. «Зная практический японский и отчасти китайский язык, Н. И. Конрад занимался уже корейским языком и знаком с литературой о Корее. Лето текущего года (имеется в виду 1914 г.— *Р. Д.*) он намерен провести в Японии для занятий корейским и японским языками, а осенью, получив надлежащие указания, он мог бы отправиться в Корею и приступить к историко-этнографическим и антропологическим исследованиям, занимаясь и изучением языка»¹³.

Сам факт командирования русского этнографа в Корею в 1914 г.— явление примечательное. В 1910 г. Корея стала колонией Японии. Над традиционной культурой корейского народа нависла угроза исчезновения. Поэтому русские ученые видели одну из главных задач исследований Н. И. Конрада в изучении этнографии корейцев.

Вот как обосновывалась Русским комитетом необходимость этнографической работы в Корее: «Со времени аннексии Японией Кореи многое уже сделано для изучения экономического положения этой страны, но этнографические, лингвистические и археологические исследования подвинулись сравнительно мало вперед. Корейский язык, например, в Японии изучается преимущественно практически. Между тем научное изучение Кореи в историко-этнографическом, лингвистическом, антропологическом и археологическом отношениях важно не только для общих научных задач Дальнего Востока, но и для проблем Приамурского края, особенно тесно связанного с соседней Кореей»¹⁴. Примечательна рукописная вставка, сделанная в конце этого текста: «При этом нужно иметь в виду, что при современном японском управлении и интенсивном (далее в тексте неясно.— *Р. Д.*) реформами страноведческие, этнографические особенности исчезают с необычайной быстротой»¹⁵.

Определяя цели и задачи этнографической работы в Корее, руководство Русского комитета отмечало также: «Наиболее важную в этнографическом, как и в археологическом отношении областью следует считать Северную Корею, граничащую с Южной Маньчжурией и Приморской областью. Эта область входила в состав различных владений, со времени династии Хань и даже ранее, если основываться на сведениях китайских источников. Представляется поэтому весьма желательным начать исследование Кореи именно с северной ее части». В предварительном порядке определялся маршрут экспедиций и поездок Н. Конрада по Корее: «Прежде всего ему надлежало бы отправиться в Сеул, где возможно получить необходимые справки и нужные сведения, а также подготовиться в практическом знании корейского языка. Затем могли бы быть намечены следующие пункты, представляющие этнографический и исторический интерес: Кайцзио¹⁶

(кор. Кэсон), место пребывания династии Гао-ли (кор. Корё), Хэй-цзио (кор. Пхеньян), Кай-сю (кор. Хэчжу), Канко (кор. Хамхын), Кай-сю (кор. Кёнджу) столица владения Синра (кор. Силла).

Этнографические же наблюдения желательнее сосредоточить в одной из северных провинций: Хэй-ян), (кор. Пхёнан), Канкио (кор. Хамгён), Кокай (кор. Чолла). Вся командировка должна продолжаться около года»¹⁷.

Задачей Н. И. Конрада кроме историко-этнографических и антропологических исследований, а также изучения корейского языка было ознакомление с корейскими источниками о Приморской области.

Н. И. Конрад должен был также заниматься сбором этнографических материалов и составлением коллекций этнографических предметов для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Академии наук. На это ему музей выделял специальные средства. О чем, в частности, свидетельствует протокол заседания Русского комитета от 29 марта 1914 г., в 31-м параграфе которого записано: «...разрешить Н. И. Конраду во время выполнения командировки (имеется в виду и командировка в Корею.— *Р. Д.*) собирать сведения по этнографии для С. Ф. Ольденбурга и составлять коллекцию этнографических предметов для Музея антропологии и этнографии при Академии наук на средства, назначенные музеем»¹⁸.

Первый этап этнографической работы в Корее для Н. И. Конрада начался 1 сентября 1914 г., как это и было предусмотрено Русским комитетом. Затем, очевидно, последовал небольшой перерыв, и работы были продолжены в 1915 и 1916 гг.

Из сохранившегося фрагмента письма А. И. Иванова известно, что перед поездкой в Корею летом 1914 г. Н. И. Конрад занимался в Японии корейским языком, а также воспользовался консультациями, «надлежащими указаниями японских ученых и необходимыми рекомендациями»¹⁹.

О маршрутах своих первых поездок по стране Н. Конрад сообщал в письмах А. И. Иванову, который в это время находился в Пекине. Так, в конце 1914 г. А. И. Иванов писал в докладной, направленной в Русский комитет: «В настоящее время мною получено уже три письма от Н. И. Конрада, находящегося в Корее». И далее он сообщает, что Н. И. Конрад, прибыв в Корею из Японии, «отправился в провинцию, после того как ему удалось оплатить нужные приобретения для путешествия»²⁰.

Сохранился удивительный документ — фрагмент автографа письма Н. И. Конрада, которое было адресовано им А. И. Иванову. Написанный черной тушью на рисовой бумаге, сохранившийся фрагмент письма, очевидно, может быть датирован концом 1914 г. или первыми числами 1915 г. Из письма мы узнаем о первом этапе этнографической работы Н. И. Конрада в Корее.

Прибыв из Японии в Сеул и оформив соответствующие документы, Н. Конрад отправился на юг страны. Конечной точкой его экспедиции был г. Пусан. Однако предоставив слово Н. И. Конраду: «Теперь позволю себе коснуться своей поездки по Корее. Оставляя подробные описания до следующего письма, я ныне укажу лишь главные пункты, которые я проехал: это Кванджу, Чхунджу, Чхонджу, Чочхивон, Конджу, Кунсан²¹ — я называю только крупные города. Все это пространство пройдено мною частью пешком, частью верхом. Во многих деревнях останавливался на более или менее продолжительные сроки. По пути старался делать возможные наблюдения и производить различные записи, вроде легенд, сказок, песен, поговорок, преданий исторического характера и т. п. Несмотря на то, что маршрут мой по заранее намеченному плану этим не заканчивался, мне пришлось сесть в Пусане на поезд и вернуться в Сеул». О причинах, вынудивших его прервать маршрут, Н. Конрад писал далее: «Причины тому следующие: наступили уже значительные холода, и жизнь в корейских домах оказалась очень затруднительна при их системе отопления в постройках; в силу этих условий у меня получилось катаральное воспаление дыхательных путей, требовавшее значительного отдыха; наступление сезона, который крайне

мало мог дать наблюдателю этнографу; осуществление дальнейшего маршрута потребовало бы очень больших затрат, произвести которые я не был в состоянии, и, наконец, я ясно осознаю необходимость большего знакомства с языком для такого рода путешествия»²².

Наверняка можно сказать, что, несмотря на отмеченные трудности, экспедиция Н. И. Конрада, проходившая по территории провинции Кёнгидо, Чхунчхондо, Чолладо, была научным подвигом молодого ученого. Известно, что во время своего путешествия, да и вообще во время пребывания в Корее, Н. И. Конрад вел дневники, которые, к сожалению, не сохранились (или, может быть, пока не найдены).

Возвратившись в Сеул, Н. И. Конрад возобновил занятия корейским языком. Много внимания он уделял сбору и систематизации этнографического материала.

Время, когда Н. Конрад посетил Корею, пришлось на трагический для этой страны и народа период. В 1910 г. Корея, страна с пятитысячелетней историей, лишилась своей государственности, потеряла свою независимость и стала колонией Японии. Годы с 1910 по 1919 характеризуются установлением японцами в Корее жесточайшего террора и национального порабощения; в истории этот период получил название «сабельного». Из уже цитированного фрагмента письма Н. Конрада А. И. Иванову видно, что японские власти в Корее недоброжелательно относились к его работе, препятствовали проникновению сведений о Корее за пределы страны. Так, пытаясь понять причины задержки своих писем, отправленных в Россию, Н. Конрад упоминает о «цензуре», о сложностях движения почты по Сибирской железной дороге, и далее, намекая на какие-то осложнения с японскими властями, пишет: «Но даже в этом последнем случае я не понимаю причин, почему японское посольство вдруг заинтересовалось мною? По всей вероятности, вся эта история создана в Сеуле самим полицейским бюро и никем другим»²³.

В этих непростых условиях Н. Конрад занимался изучением традиционной культуры корейского народа. Идея выявления историко-этнографического облика корейцев, как мы видели, была predetermined широкой научной программой Русского комитета. Молодой ученый воспринял ее и отдал ее осуществлению немало сил и энергии. Возможно, он осуществил не все пожелания программы Русского комитета. В колониальной Корее для этого не было достаточных условий. В то же время по некоторым другим вопросам корейской этнографии Н. Конрад значительно расширил программу, вводя новую проблематику.

О ходе своей работы Н. И. Конрад продолжал сообщать в письмах. Его главными корреспондентами были проф. А. И. Иванов и один из руководителей Русского комитета Л. Я. Штернберг. Как следует из официальных документов Русского комитета, исследования Н. И. Конрада оценивались положительно. Более того, руководство Русского комитета решило продлить пребывание Н. И. Конрада в Корее и на 1915 г.

В «Отчете о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях за 1914 г.» читаем: «Из культурных областей Дальнего Востока в отчетном году в круг деятельности Комитета впервые была включена Корея, решение произвести этнографические исследования в этой области было вызвано быстрым исчезновением ее этнографических особенностей после присоединения страны к Японии. Производство исследований было возложено на Н. И. Конрада, причем имеется в виду продолжать эти работы до сентября 1915 года. О работах, уже выполненных исследователем, было доложено Комитету в заседании 22 ноября»²⁴.

Результатом первого этапа этнографической работы в Корее в течение четырех последних месяцев 1914 г. (сентябрь—декабрь), а также, возможно, и первых (или первого) месяцев 1915 г. явился рукописный отчет Н. И. Конрада, кото-

рый он прислал в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Об этом отчете в протоколах Русского комитета за 2 мая 1915 г. под параграфом 42 записано следующее: «Доложено о получении от Н. И. Конрада через посредство Императорского Русского консульства в Корее и Министерства иностранных дел подробного письма на имя Л. Я. Штернберга о выполненных г. Конрадом работах и рукописи с изложением собранных им сведений о населении Кореи, его классовом составе, родовом строе, религиозных верованиях и обрядах»²⁵.

Свою этнографическую работу в Корее Н. И. Конрад продолжил и в 1915 г. В документах Русского комитета сохранились свидетельства о финансовом обеспечении его командировки до сентября 1915 г. В протоколе № IV Русского комитета за 22 ноября 1914 г. записано: «Доложены сведения о работах Н. И. Конрада в Корее, полученные через проф. А. И. Иванова, и сведения о коллекциях²⁶, присланных Н. И. Конрадом в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. Вместе с тем сообщено, что по распоряжению бюро на основе § 10 правил его деятельности Н. И. Конраду в дополнение к разрешенным ему по постановлению Комитета от 29 марта 700 р. высланы ему еще 500 р. для продолжения его работы в 1915 году. Определено: 1) утвердить распоряжение Бюро; 2) ввиду того, что работы Н. И. Конрада предложено вести в течение 1915 г., в течение восьми месяцев по 1 сентября, назначить ему из суммы Комитета сверх высланных по распоряжению Бюро 500 р. еще 700 р., считая по 150 р. в месяц, как было предусмотрено постановлением Комитета от 29 марта; 3) к этим 700 р. присоединить еще 700 р. на возмещение потери, вызванной понижением курса при уплате по переводам через Русско-Китайский банк»²⁷.

Сохранились данные о том, что Н. И. Конраду был отправлен и фотоаппарат (11 февраля 1915 г.)²⁸ для сбора фотоматериала. Часть иллюстративного материала, собранного им, хранится в фотоархиве Музея антропологии и этнографии (кол. № 2685)²⁹.

К сожалению, пока мы не обладаем сведениями о ходе работы и маршрутах экспедиций Н. И. Конрада в течение 1915 г. Можно предположить, что в 1915 г. Н. И. Конрад совершал поездки в северные провинции Кореи, и не исключено, что на какой-то срок он возвращался в Японию. В отчете Русского комитета за 1915 г. отмечалось: «Из стран Дальнего Востока в район деятельности Комитета входила Корея, где продолжались работы Н. И. Конрада, и Япония, куда был командирован для лингвистической работы Е. Д. Поливанов. Сведения о ходе работы Н. И. Конрада были доложены Комитету в заседаниях 14 марта и 2 мая, отчет о работах Е. Д. Поливанова в заседании 24 октября»³⁰. Отдельный отчет Н. И. Конрада о работах за 1915 г. не сохранился. Может быть, вновь собранные материалы стали как бы продолжением, новыми разделами, главами рукописного отчета за 1914 — начало 1915 г.

Трудно пока точно установить время, объем и направление работы Н. И. Конрада в Корее в 1916 г. Есть свидетельства, что он находился там весной и летом 1916 г.³¹ Очевидно, значительное внимание, как и в предыдущие годы, Н. И. Конрад уделял сбору корейских этнографических коллекций. В архиве Русского комитета сохранился текст телеграммы от 26 апреля 1916 г., отправленной А. И. Ивановым в Русское посольство в Токио (Япония) на имя Николая Конрада. Вот ее содержание: «Телеграфируйте результаты сборов Корее согласие продолжать сборы какая сумма — Иванов»³².

Как известно, Н. И. Конрад собрал большую коллекцию по этнографии корейцев, в том числе и по шаманству. Эту коллекцию он отослал в Токио, а оттуда на хранение в почтовое агентство г. Цуруга. Однако в фонды МАЭ она не попала. О возможных причинах пропажи коллекции и отчета, сохранившегося материалы по корейскому шаманству, Н. И. Конрад в 1962 г. рассказал в письме Ю. В. Ионовой. Фрагмент этого интереснейшего письма был опубликован Ю. В. Ионовой в 1987 г.³³

В 1915—1916 гг. Н. И. Конрад собирал также материалы по семейной обряд-

ности, народной медицине, корейским приметам, связанным со сновидениями. Значительно расширились его познания по традиционным верованиям и культам.

Корейские записи Николая Конрада. Время работы Н. Конрада в Корее было периодом интенсивного творческого поиска, неустанного труда по изучению культуры и этнографии корейского народа. Отдельные замечания, косвенные указания в сохранившихся работах и письмах позволяют утверждать, что в Корее Н. Конрад вел подробные дневники, записывал и переводил фольклор, составлял детальные описания убранства храмов, коллекционировал поздравительные новогодние открытки, благожелательные надписи. Он написал специальную работу о корейском шаманстве. К сожалению, эти труды не сохранились или пока не найдены (возможно, они пока сокрыты от нас).

Тем большую ценность приобретают сочинения Н. И. Конрада, которые дошли до нас. Это прежде всего рукописный отчет, датированный началом 1915 г., а также две тетради с рукописью его отчета за 1915—1916 гг.

Рукописный отчет Н. И. Конрада, датированный 1915 г., был написан им на 22 больших линованных листах (текст — на двух сторонах каждого листа, всего 41 страница), черными чернилами, изящным четким почерком. В правом углу первого листа почерком Н. И. Конрада написана дата «1915 г.». Одной из особенностей рукописи является ее насыщенность иероглифической терминологией. Все корейские понятия, термины записаны Н. И. Конрадом иероглифами, которые в тот период широко применялись в корейской письменности. В нескольких случаях автор использует корейское национальное письмо. Отчету в основном присущ лапидарный характер изложения.

Ознакомление с ним позволяет очертить круг интересов молодого этнографа. Это социальный состав населения (этнографическая характеристика классов и сословий корейского общества на конец XIX — начало XX в.); родственные отношения, системы родства; антропонимия; траурные предписания; семейная обрядность («четыре церемонии»); храмы, святилища, религии; календарные обычаи и обряды (в первую очередь обычаи и обряды, связанные с празднованием Нового года, а также некоторых осенних и зимних праздников); развлечения и музыкальные инструменты. Даже этот краткий перечень основных аспектов исследования Николая Конрада свидетельствует о том, что молодой ученый поставил перед собой задачу дать всестороннюю историко-этнографическую характеристику традиционной культуры корейского народа.

При характеристике социальной структуры корейского общества Н. Конрад одним из первых в русской этнографической науке детально исследовал происхождение и положение социальной группы париев *пэкчон*. Богатый материал был собран и проанализирован им по системам родства и семейным отношениям, по корейской антропонимии, свадебной обрядности. Так, например, характеризуя свадебные обряды, Н. Конрад выделил 12 основных церемоний. Он писал: «Брачные обряды, принятые у корейцев, отличаются большой сложностью и разнообразием. Мне удалось всего лишь раз присутствовать на корейской свадьбе, которая мною и описана»³⁴. Среди свадебных церемоний корейцев он выделил обряд подношения гуся: «Этот крайне интересный обряд с трудом поддается толкованию. Гусь составляет обязательную принадлежность свадебной церемонии — живого гуся или деревянного несут в процессии жениха и по прибытии в дом невесты его передают женщине, предназначенной специально для этого. Кстати, все это сопровождается различными церемониями. Мною записано несколько объяснений этого обязательного участия гуся, но они очень мало говорят. Только совершенно случайно мне удалось записать одну очень длинную корейскую сказку, которая, по моему мнению, превосходно может быть применена как толкование этого обычая. Сказка эта записана мною по-корейски и переведена на русской язык»³⁵.

Особенно интересные материалы были собраны Н. И. Конрадом по календарным обычаям и обрядам корейцев. В конце 1914 — начале 1915 г. он имел

возможность лично наблюдать их. Вот что он написал в рукописном отчете: «Большинство обычаев, имеющих место в январе (имеется в виду 1-й лунный месяц по традиционному лунно-солнечному календарю. — *Р. Д.*), описано мною на основании личных наблюдений; такое описание доведено мною до самого последнего момента, т. е. до 25 января [...]. Помимо этого, на основании разговоров с корейцами мною составлена схема корейского года в его обычаях и собираются сведения о этих последних. Чрезвычайно затруднительно описывать этот год, не будучи свидетелем самому существующих обычаев; поэтому мною предположено в дальнейшем, если это окажется возможным, описание корейского года на основании собственных наблюдений, в основу которых будет положена составленная схема. Схема эта здесь мною пока не приводится, но необходимо упомянуть о тех днях, свидетелем коих мне пришлось быть в минувшем октябре — ноябре—декабре»³⁶.

Как известно, среди новогодних празднеств корейцев своеобразной кульминационной точкой является ночь полнолуния первого лунного месяца (15-е число). Н. И. Конраду удалось записать некоторые обряды, связанные с поклонениями луне: «Когда луна уже взошла, на шест из [...] куста чху прикрепляют куски бумаги, вырезанные в форме полной луны, и выставляют их на крышах, совершая при этом особое поклонение. Значит это следующее: „пусть моя судьба в этом году будет так же светла, как сейчас луна“. Впрочем, этот обычай продельвается равным образом в целях предохранения от пожаров. Иногда в этот вечер устраивают бои петухов или скачки. В этот день собак вообще не кормят. Делается это вследствие того, что собаки и луна считаются „различными по природе“ и вечно враждебными друг другу; поэтому, если подкрепить силы собаки пищу, они могут луну съесть. Затмение луны — именно поедание ее собакой. К собакам в этот день применяется наименование санъвон-ый-тэ»³⁷.

Насыщенный богатыми этнографическими материалами рукописный отчет Н. И. Конрада — ценнейший источник по традиционному быту корейцев. Хочется надеяться, что в будущем будет опубликовано факсимиле этой рукописи с подробным текстологическим и историко-этнографическим комментарием.

Материалы, собранные Н. И. Конрадом в 1915—1916 гг., как мы уже говорили, были систематизированы им в большой работе, записанной в двух общих тетрадах (текст — на обеих сторонах тетрадного листа). Эти тетради, длительное время хранившиеся в семье Н. И. Конрада, в настоящее время находятся в Архиве АН СССР (Москва)³⁸. Знакомство с этой работой свидетельствует о том, что перед нами полный текст исследования Н. И. Конрада по этнографии корейцев, который включает как составную, органическую часть и первоначальный отчет, и новые главы и разделы. Объем работы по сравнению с первым отчетом увеличился по крайней мере в три раза. При описании отдельных корейских обрядов Н. И. Конрад сопоставлял их с японскими и китайскими традициями. Именно эта рукопись позднее была оформлена Н. И. Конрадом в монографию, получившую название «Очерки истории социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков» (139 машинописных страниц). Как и первый рукописный отчет, это сочинение по своему характеру принадлежит к исследовательскому, а не к дневниковому жанру, хотя в работе немало упоминаний и ссылок на личные полевые наблюдения автора.

Так, например, характеризуя корейское дворянство, а также среднее сословие, низшие группы и париев пэкчон, Н. И. Конрад подчеркивает, что он обращал главное внимание на этнографический аспект их изучения. Определяя задачи своих наблюдений и своей работы, он писал, что постоянно стремился проследить жизнь этих сословий с точки зрения их быта, их прав и привилегий, не юридических, а бытовых; показать, как эти права проявляются в укладе повседневной жизни и во всем обиходе населения. В случае необходимости он давал объяснения исторического характера.

Среди материалов, к которым Н. И. Конрад обращается в «Очерках», свидетельства по этнографии корейцев, проживавших в северозападных провин-

циях страны. Возможно, эти данные были собраны им во время поездок в эти районы. Так, например, характеризуя свадебные обычаи и обряды корейцев, проживавших в бассейне р. Амноккан, на границе с Китаем, он обращает внимание на бытование «обряда имущества», состоявшего в посылке брачных подарков невесте, который был символом и даже фактическим актом покупки невесты. По мнению Н. И. Конрада, обряды и обычаи покупки невесты появились у корейцев этого региона под влиянием китайцев. Он обращает внимание на то, что в этих районах вместо слов «отдать дочь замуж» говорят «продать дочь замуж»³⁹.

Неоднократно Н. И. Конрад подчеркивает, что в основе его исследования — полевые этнографические материалы. Он сообщает, например, о том, что ему довелось присутствовать на обряде совершеннолетия⁴⁰. Автор описывает костюм юноши, который совершает обряд совершеннолетия: «Что касается одежды, то совершеннолетний одевает холстинную одежду с рукавами и подпоясывает сверх нее большим, широким поясом из материи, напоминающей чесучу. Руки скрыты в ветках душистой дафны, перевязанной белыми веревками, на ноги надеваются вышитые матерчатые башмаки»⁴¹. Наблюдал Н. И. Конрад корейские свадьбы, похоронные и поминальные обряды. Во время своего путешествия по провинции Чхунчхон он был свидетелем камлания шаманки. При описании корейских (конфуцианских) храмов Н. И. Конрад замечает, что посетил и подробно изучил 21 храм. Беседы с информантами наряду с личными наблюдениями были для него также важнейшими источниками. Так, например, характеризуя обряды в честь предков, Н. И. Конрад отмечал, что описания обрядов были составлены им на основании многократных распросов. Россыпь подобных замечаний, как бы незаметных пометок на полях, придает особую ценность работе. Их значимость особенно возрастает для нас и в силу того, что дневники его путешествий по Корее утрачены.

Н. И. Конрад пользовался также историческими и литературными источниками, о некоторых из них он упоминает в сочинении. Очевидно, пользовался он и семейными родословными и конфуцианскими книгами. Словом, круг источников был разнообразным и широким. Но, несомненно, важнейшими были личные полевые этнографические наблюдения. Н. И. Конрад завершает свои «Очерки» небольшим эссе, которое он озаглавил «Одно личное воспоминание», где речь идет о встрече с корейской шаманкой. Примечательны первые строки: «Будучи в Корее, я знал, что в деревнях есть шаманы и шаманки. С установлением власти японцев шаманство было воспрещено, но мне все же очень хотелось с этим обрядом познакомиться. Так как я прошел пешком от Сеула до Фусана (кор. Пусан — *Р. Д.*) по проселочным дорогам, то часто останавливался на ночь в деревнях. Наконец, в одной из деревень мне удалось уговорить шаманку показать ее искусство. Поздно вечером она с провожатым и я поднялись на гору. Были выставлены «посты» на случай прихода полиции. Начались разговоры, и вдруг прибежали «посты» — идет полиция. У меня была с собой бумага от японского губернатора Кореи, предписывавшая всем деревенским властям оказывать мне содействие. Поэтому я успокоил всех, сказав, что сам пойду объясняться с полицией. И действительно, стоило мне предъявить эту бумагу, как они извинились и ушли. Эффект этого был серьезный.

Шаманка начала камлание, причем постепенно стала кружиться. Все сильнее и сильнее, и ее развевающаяся широкая юбка многих задевала по лицу. Но — меня ни одного раза она даже не задела. Этого было довольно, чтобы понять ее состояние»⁴².

В этом фрагменте, очевидно, написанном в 1915—1916 гг., Н. И. Конрад почти текстуально повторяет строки из своего письма А. И. Иванову, отправленного в самом начале 1915 г., о своем путешествии пешком по Корее — от Сеула до Пусана. Завершая «Очерки» «личным воспоминанием», он как бы еще раз подтверждает, что в основе его сочинения — полевые этнографические наблюдения.

«Очерки» отличаются широтой проблематики корейской этнографии: иссле-

дование родственных отношений, корейских имен, основных классов и сословий корейского общества в начале XX в. В семейной обрядности он наиболее детально рассматривает обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, а также «четыре церемонии»: обряды совершеннолетия, свадебный, похоронный и обряды, связанные с поминанием предков. Религиозные воззрения корейцев Н. И. Конрад прослеживал на примерах святилищ, памятников, он исследовал народный религиозный пантеон, культ тигра; его внимание привлекали игры и развлечения, календарные обычаи и обряды. Богатейшие материалы были им систематизированы по народной медицине. Уникальными представляются собранные Н. И. Конрадом данные о приметах корейцев, связанных со сновидениями, а также приметах, отражавших отношение корейцев к различным явлениям природы.

Описанию корейских примет, связанных со сновидениями⁴³, Н. И. Конрад предпосылает краткий исторический очерк, в котором на примерах из древних китайских, японских, корейских летописей и хроник показывает, какое значение придавалось снам в древней и средневековой культуре народов Восточной Азии. Он обращает внимание на то, что в Корее в его время было множество гадателей снов. Доказательство, свидетельствующее о значении примет, связанных со сновидениями, он справедливо видит и в форме корейского приветствия: «Видели ли Вы во сне дракона?», с которым обычно обращались к людям, переехавшим в новый дом, на новую квартиру. Такой же вопрос задавали новобранному. На подобное приветствие необходимо было ответить: «Видели». «Эти выражения сделались уже просто приветствиями,— продолжает автор,— вне зависимости от того, видели тут дракона или нет. Так что в наше время, как и раньше, в Корее в народной среде крепко еще живет вера в таинственную связь сновидений и человеческих дел, и на основании этой веры создан целый цикл примет и целое искусство толкований»⁴⁴. Н. И. Конрад систематизировал эти приметы по следующим группам: приметы, относящиеся к небесным явлениям; к животным; к растительному миру; к дому; касающиеся одежды и утвари; связанные с обычными явлениями; смешанные приметы; приметы, основанные на значении иероглифов; приметы, касающиеся должностей, назначений, чиновничьих постов; многочисленные приметы, влияющие на рождение детей, на болезни; относящиеся к трауру по родителям. Отдельно сказано о «способах» борьбы с бедой, которую накликает тот или иной сон. Весь этот богатейший материал раскрывает древнейшие глубинные истоки религиозных представлений корейцев, их взгляды на природу, общество и сущность человека. Столь же разнообразны и интересны и другие приметы корейцев, собранные Н. И. Конрадом. О культе тигра, которого корейцы почтительно именовали титулами Горное божество, Горный государь, Горный господин, Горный дух, Горный герой, свидетельствуют данные главы «Тигр в представлениях корейцев»⁴⁵. Суммируя собранные материалы о культе тигра, Н. И. Конрад замечает, что тигр в религиозных представлениях корейцев не только божество, но и носитель высоких нравственных понятий (он умеет различать добро и зло, добродетель и порок); тигру доступна жалость; с помощью чудесной силы тигр может противостоять бедствиям, силе других злых духов, болезням; по некоторым представлениям, тигр — не само Горное божество, а только спутник, слуга Горного государя⁴⁶.

Словом, несомненно, что свидетельства по исторической этнографии корейцев, систематизированные Н. И. Конрадом в «Очерках», имеют непреходящую ценность.

Рукописи не горят. В заключение необходимо несколько слов сказать о судьбе этих основных рукописных сочинений Н. И. Конрада, посвященных этнографии Кореи и ныне хранящихся в Архиве АН СССР — в Ленинграде и Москве. У этих рукописей, как и у их автора, не простая, порой трагическая судьба. Первый рукописный отчет, как известно, хранится в ЛО Архива АН СССР в фонде Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии среди материалов, относящихся к 1915 г. Как мы уже говорили, текст не имеет заголовка, не названо имя автора, т. е. рукопись продолжает оставаться анонимной.

Конечно, и Н. И. Конрад, и его близкие друзья знали, что рукописный отчет, датированный 1915 г., хранится в Архиве АН СССР, знали они и о том, что работа принадлежит Н. И. Конраду. Но, очевидно, с конца 30-х годов в силу известных обстоятельств о ней как бы «забыли», работа попала в зону умолчания.

Только во второй половине 50-х годов в научной литературе появляется первое упоминание о ней. О том, что эта работа принадлежит Н. И. Конраду, в послевоенные годы одной из первых написала О. П. Петрова. Во «Введении» к труду «Описание письменных памятников корейской культуры. Выпуск 1» (М.; Л., 1956) при характеристике традиционной корейской антропологии О. П. Петрова цитировала небольшой фрагмент из этой рукописи Н. И. Конрада, которую она определяла как «Отчет за 1915 г. Н. И. Конрада Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии о его командировке в Корею»⁴⁷. В сноске к приведенному фрагменту о корейских именах О. П. Петрова обозначает цитируемую работу как «рукопись Н. И. Конрада» (!). Так было восстановлено, подтверждено в научной публикации авторство Н. И. Конрада, в течение почти двух десятилетий сокрытое от исследователей.

И в этой связи хочется высказать предположение, что, возможно, титульный лист с названием отчета, а также с именем автора в конце 30-х годов, после того как в 1938 г. Н. И. Конрад был арестован и сослан в лагерь, был кем-то изъят и спрятан для того, чтобы сохранить всю работу...

С начала 60-х годов к рукописному отчету Н. И. Конрада, датируемому 1915 г., неоднократно обращалась Ю. В. Ионова, которая именуется ее как «Заметки о народных обычаях корейцев на основании личных наблюдений 1914—1915 гг.»⁴⁸ В авторстве Н. И. Конрада Ю. В. Ионова уже не сомневалась.

В 1974 г. по просьбе вдовы ученого — Н. И. Фельдман-Конрад с рукописи была снята ксерокопия, которая в настоящее время хранится в Москве в Архиве АН СССР. Однако необходимо отметить, что хотя в ряде работ этот рукописный отчет Н. И. Конрада неоднократно цитируется, полностью он до сих пор не опубликован.

Вторая рукопись — это, как мы полагаем, рукописный вариант «Очерков» Николая Конрада — окончательный результат его этнографических исследований в Корею в 1914—1916 гг., представленный в двух тетрадах.

Очевидно, уже в последние годы жизни по просьбе Н. И. Конрада рукопись «Очерков» была перепечатана. После его смерти Н. И. Фельдман-Конрад обратилась к известному советскому корееведо-лингвисту Л. Б. Никольскому с просьбой дать корейскую транскрипцию к многочисленным корейским терминам, записанным Н. И. Конрадом по традиции с помощью иероглифов. Эта просьба была удовлетворена. Текст был заново перепечатан и предложен к публикации. Однако работа не была опубликована...

Между тем книга Н. И. Конрада — ценнейший источник для понимания культуры и быта корейцев на рубеже XIX—XX вв., для познания исторической этнографии корейцев.

Значение корейских материалов Н. И. Конрада особенно возрастает сегодня. И для такого утверждения есть несколько причин. Во-первых, с глубоким сожалением приходится это констатировать, Н. И. Конрад был последним из русских этнографов, работавших в Корею. С тех пор и в дореволюционное время, и в годы советской власти, вплоть до сегодняшнего дня, наши отечественные этнографы не имели возможности проводить полевые исследования в Корею. Во-вторых, книга Н. И. Конрада, созданная в значительной части на полевых материалах, запечатлела важный этап в развитии традиционной культуры корейцев.

К своим корейским материалам Н. И. Конрад на протяжении жизни обращался неоднократно. Несомненно, он осознавал ценность собранного им полевого этнографического материала. Он имел также возможность видеть, что на многие десятилетия изучение традиционного быта и культуры корейцев было отодвинуто в советском корееведении на второй план.

Возможно, в разные периоды жизни (наверное, в 50—60-х годах) Н. И. Конрад стремился подготовить к публикации всю рукопись или ее отдельные фрагменты, не выходя за рамки основного текста «Очерков». Так, им была написана работа «Социальная организация в Корее», рукопись которой также хранится в Архиве АН СССР. Машинописный вариант статьи насчитывает 32 страницы⁴⁹. Статья охватывает материалы, представленные в первых разделах «Очерков».

В эпистолярном наследии Н. И. Конрада сохранились высказывания, свидетельствующие о том, с какой симпатией он относился к Корее и корейцам, с каким ностальгическим чувством и нежностью он вспоминал о годах, проведенных в Стране Утренней Свежести; о его стремлении вновь заняться этнографией корейского народа, о желании увидеть публикацию «Очерков».

Знакомство с корейскими материалами Н. И. Конрада помогает восстановить трагически разорванную, насильственно порушенную «связь времен». И вновь молодой Николай Конрад передает нам эстафету, полученную им от титанов русского этнографического востоковедения, от своих учителей, среди которых были А. И. Иванов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, В. А. Котвич, Л. Я. Штернберг, определившие его путь этнографа, востоковеда, философа, занимавшегося историей культуры, философа-гуманиста.

С того времени, когда Н. Конрад собирал этнографические материалы в Корее, прошло не одно десятилетие. За эти годы, особенно начиная с 50-х годов, советские ученые-корееведы обратились к изучению этнографии, мифологии, культуры корейского народа. Сделано немало. Но даже сегодня корейские записи Николая Конрада не утратили своей значимости, научной новизны — и как этнографические источники, и как исследования. Более того, нам представляется несомненным, что дальнейшее, более глубокое знакомство с этими материалами станет настоящим открытием, нашим приобретением к дотолу от нас сокрытому, но столь необходимому для нашей науки познанию.

Нам откроется еще одна грань светлого таланта Н. И. Конрада — мы узнаем Н. И. Конрада как этнографа.

Примечания

¹ Практическая восточная академия существовала в Петербурге с 1909 по 1917 г. Подробнее см.: Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 282—284.

² Там же. С. 348. Ком. 100.

³ Список трудов академика Н. И. Конрада // Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978. С. 438—440 (работы за период с 1913 по 1938 г.— составители В. С. Гривнин, К. А. Попов); Жуков Е. М. Предисловие // Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974. С. 1—3.

⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 7. Оп. 1, № 247, § 28. Протокол от 5 сентября 1938 г. Постановление Президиума АН СССР об исключении Н. И. Конрада из состава сотрудников Института востоковедения.

⁵ Список трудов академика Н. И. Конрада... С. 441—448 (работы за период с 1944 по 1974 г. Составители В. С. Гривнин, К. А. Попов, Б. Б. Вахтин).

⁶ Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974. 469 с.; его же. Избранные труды. Синология. М., 1977. 621 с.; его же. Избранные труды. Литература и театр. М., 1978. 461 с.

⁷ Восполнить этот пробел призван подготовленный к печати Архивом АН СССР том «Николай Иосифович Конрад. Неопубликованные работы. Письма» (Серия «Научное наследие»).

⁸ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 22—41, об. В ответе не сохранилась первая страница, на которой должны были быть название работы и имя автора — Н. И. Конрада. Хотя было известно, что этот отчет принадлежал ему, рукопись продолжает оставаться как бы анонимной.

⁹ Архив АН СССР. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 9. В этом деле наряду с другими документами хранятся две тетради с рукописью и машинописный текст «Очерков».

¹⁰ Там же. «Очерки», машинописный текст 139. Машинописный текст «Очерков» подготовлен к печати в томе «Николай Иосифович Конрад. Неопубликованные работы. Письма».

¹¹ Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении был создан в Петербурге в 1903 г. Закончил свою деятельность в 1918 г. Подробнее см.: Скачков Г. Е. Указ. раб. С. 273—278.

¹² ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 23, 23, об.

¹³ Там же.

- ¹⁴ Там же.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Здесь (и далее) в цитируемом документе приведено японское чтение корейских топонимов. После установления колониального режима в Корее японские власти переименовали корейские названия на японский лад. Поэтому в скобках мы приводим исконные корейские наименования географических пунктов и историко-географических понятий.
¹⁷ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 23, 23, об.
¹⁸ Там же. Ед. хр. 81. Л. 10.
¹⁹ Там же. Ед. хр. 76. Л. 37.
²⁰ Там же. Л. 38.
²¹ Все эти корейские топонимы записаны Н. И. Конрадом китайскими иероглифами.
²² ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 38.
²³ Там же.
²⁴ Там же. Ед. хр. 81. Л. 41.
²⁵ Там же. Л. 52.
²⁶ Очевидно, речь идет о японских коллекциях, собранных Н. И. Конрадом в Японии для МАЭ.
²⁷ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 29—30.
²⁸ Там же. Ед. хр. 85. Л. 9.
²⁹ *Ионова Ю. В.* История формирования и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. Сборник МАЭ. Т. ХLI. Л., 1987. С. 15.
³⁰ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 7.
³¹ *Ионова Ю. В.* Указ. раб. С. 14.
³² ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 44. Русский текст телеграммы написан с помощью латиницы. Адрес написан по-английски.
³³ *Ионова Ю. В.* Указ. раб. С. 14—15.
³⁴ ЛО Архива АН СССР. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 31.
³⁵ Там же. Л. 31 об., 32.
³⁶ Там же. Л. 40.
³⁷ Там же. Л. 38 об.
³⁸ Архив АН СССР. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 9.
³⁹ Там же. Очерки. С. 59.
⁴⁰ Там же. С. 55.
⁴¹ Там же. С. 56.
⁴² Там же. С. 139.
⁴³ Там же. С. 102—116.
⁴⁴ Там же. С. 104.
⁴⁵ Там же. С. 135—138.
⁴⁶ Там же. С. 138.
⁴⁷ *Петрова О. П.* Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. I. М.; Л., 1956.
С. 12.
⁴⁸ См., например: *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М., 1982. С. 216. С. 15.
⁴⁹ Архив АН СССР. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 9. 32 с.

© 1991 г., СЭ, № 5

М. П. Малышева, В. С. Познанский

КАЗАХСКИЙ ЭТНОГРАФ ЧИНГИС ВАЛИХАНОВ

Человек, которому посвящена эта статья,— отец выдающегося казахского ученого и просветителя Чокана Валиханова — Чингис Валиевич Валиханов.

В исторической литературе ему уделяли внимание лишь постольку, поскольку он содействовал приобщению сына к русской культуре, а также помогал ему в его собирательской деятельности, передавая для коллекций ценные экспонаты. Так, О. А. Сегизбаев писал: «Ориенталисты М. В. Ладыженский, Н. Ф. Костылецкий, Г. Н. Потанин, а также Общество антропологии и этнографии при Казанском университете в своей исследовательской работе широко использовали этнографические и иные материалы, собранные Чингисом»¹. О том же более обстоятельно пишут и другие казахстанские исследователи².